

НАТАША ПУЛЛИ

Маяк на краю времени

Перевод с английского Александры Гусевой

Москва

2024

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44
П88

Перевод с английского Александры Гусевой

Пулли, Наташа

П88 Маяк на краю времени / Н. Пулли ; [пер. с англ. А. Гусева]. — М. : Эвербук/Дом историй, 2024. — 496 с. — (Станция: иные миры).

ISBN 978-5-0058-0287-3

19 век, проигравшая Трафальгарскую битву Великобритания находится под властью Франции: здесь узаконено рабство, а английский язык — вне закона.

Джо Турнье прибывает на один из лондонских вокзалов. Джо полностью утратил память и не знает, кто он и как сюда попал. Единственное, что связывает его с прошлым, — это открытка с изображением маяка и подписью: «Возвращайся, если вспомнишь». Джо предстоит заново обрести себя, и на этом пути его ждут морские битвы, путешествия в прошлое, затерянный во льдах город и самые неожиданные открытия.

«Маяк на краю времени» — это тонкий и элегантный роман о памяти, времени и верности, и головокружительная история, выходящая за рамки привычных жанров.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44

© 2021 by Natasha Pulley
© Гусева А., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Эвербук», Издательство «Дом историй»,
2024

ISBN 978-5-0058-0287-3

Часть I

ЛОНДОН

Глава 1

*Лондр, 1898 год
(через девяносто три года
после Трафальгара)*

Большинству людей трудно воскресить в памяти свое первое воспоминание — за ним приходится тянуться, как за банкой на верхней полке, — но для Джо это проблемы не составляло. Ведь первое, что он помнил, произошло через неделю после того, как ему исполнилось сорок три.

Он сошел с поезда. Да, именно это стало его первым воспоминанием, а вот второе труднее поддавалось определению. Это было тягостное, зловещее чувство, будто все вокруг в порядке вещей, жизнь идет своим чередом, но вместе с тем что-то явно не так.

Было раннее утро, стоял страшный холод. Черный паровоз со свистом выпускал пар прямо у Джо над головой. Платформа возвышалась над путями всего на пару дюймов, и двойные поршни колес были на уровне его пояса. Джо

находился так близко, что слышал, как над топкой кипит вода. В уверенности, что паровоз вот-вот накренится, он отступил подальше.

Поезд только что прибыл. Платформу заполнили сомлевшие с дороги люди, которые медленно двигались в сторону вестибюля станции. Воздух пропитал сладковатый запах угольного дыма. Солнце едва показалось из-за горизонта, и слабый свет круглых фонарей окутывал вокзал бледным сиянием. Предметы отбрасывали длинные, неясные тени: тень падала даже от пара, который словно застыл в нерешительности, размышляя, становиться ему твердым или нет.

Джо понятия не имел, что его сюда привело.

Он немного выждал: вокзалы по всему миру одинаковы — уж где замешательство естественно, так это здесь. Но это не помогло. Джо не помнил, ни как прибыл сюда, ни куда направлялся. Оглядев себя, с ужасом обнаружил, что не помнит даже, как одевался. Он не узнавал свою одежду. Тяжелое пальто с тартановой подкладкой. Жилет прямого кроя с оригинальными пуговицами, украшенными оттиском в виде лавровых венков.

Судя по знаку на стене, это была платформа номер три. Позади Джо по вагонам ходил проводник, раз за разом повторяя одни и те же слова тихим, почтительным голосом: ему нужно было разбудить пассажиров первого класса.

— Лондр, Гар-дю-Руа, просьба освободить вагоны, Лондр, Гар-дю-Руа...

Джо удивился, с чего это вдруг железнодорожная компания объявляет названия лондонских станций по-французски, и тут же беспомощно подумал: а чему он, собственно, удивляется? В Лондоне все станции носят французские названия. Это общеизвестный факт.

Кто-то коснулся его руки и по-английски спросил, все ли с ним хорошо. От неожиданности Джо так дернулся,

что у него защемило затылочный нерв. Шею пронзила острая боль.

— Прошу прощения... Не подскажете, где мы? — спросил он, тут же поняв, как глупо это звучит.

Но мужчина, который столкнулся на вокзале с незнакомцем, потерявшим память, похоже, вовсе не удивился.

— В Лондоне, — сказал он. — На Гар-дю-Руа.

Джо и сам не знал, почему надеялся, что прохожий скажет нечто иное, чем проводник. Сглотнув, он отвернулся. Пар рассеивался. Повсюду были указатели на французском: «Колониальная библиотека», «Британский музей», «Метро». Одна из табличек гласила, что линия Демулен закрыта в связи с буровыми работами. Чуть поодаль виднелись изящные железные ворота, ведущие в туман.

— Ну конечно... Лондон — в Англии? — наконец спросил Джо.

— Да, — сказал мужчина.

— М-м, — ответил Джо.

Поезд снова выпустил пар, превратив прохожего в призрака. Несмотря на клокочущую внутри панику, у Джо мелькнула мысль, что этот мужчина, должно быть, врач: даже сейчас он не казался удивленным.

— Как вас зовут? — спросил мужчина. У него был молодой голос, а может, он просто выглядел старше своих лет.

— Джо, — ответ пришел не сразу, но свое имя он знал — он испытал прилив облегчения, — Турнье.

— Вы знаете свой адрес?

— Нет, — ответил Джо в полном изнеможении.

— Тогда вам нужно в больницу, — сказал прохожий.

Он заплатил за кэб. Джо полагал, что на этом они распрощаются, но тот поехал с ним: все равно, мол, спешить ему некуда. В последующие месяцы Джо тысячу раз пытался вспомнить, как этот человек выглядел, но так и не смог, хотя всю дорогу до больницы сидел напротив, — лишь помнил,

что незнакомец сидел очень прямо и чем-то напоминал иностранца, хотя у него было очень четкое, правильное произношение: так говорят упрямые старики, которые всю жизнь отказывались учить французский и смотрели волком на всякого, кто осмеливался назвать их «месье».

Джо сводил с ума этот маленький, но такой безнадежный пробел в памяти, ведь все остальное он помнил прекрасно. Кэб был новым: свежая кожа, запах политуры, которая все еще была чуть лишкой на ощупь. Позже он даже вспомнил, как от спин лошадей поднимался пар и как скрипнули ресоры, когда повозка съехала с грубых булыжников у вокзала на гладко вымощенную Рю-Юстон.

Все, кроме того мужчины. Казалось, будто Джо не забыл его, а просто не мог найти это воспоминание в затянувшейся разум пелене.

Дорога казалась знакомой и незнакомой одновременно. Каждый раз, когда они проезжали поворот, будто бы встречавшийся Джо прежде, на месте лавки, которую он ожидал увидеть, оказывалась какая-то другая, а то и вовсе не было здания. Мимо со стуком проносились другие кэбы. Небо посерело. У Джо мелькнула мысль, что прохожий помогает ему вовсе не от доброты, а из корыстных побуждений, но зачем ему это, придумать не мог.

Чуть поодаль гигантские башни испускали дым в свинцовое небо. Их плотно опоясывали конструкции из рабочих площадок и переходов, в трубах плясали крошечные огоньки. На боковой стороне огромного здания Джо различил надпись на французском, отпечатанную белыми буквами: «ДОМЕННАЯ ПЕЧЬ 5». Джо сглотнул. Он прекрасно знал, что это металлургический завод, и тем не менее его вид вызвал то же чувство нереальности происходящего, что и французские указатели «Метро» на вокзале. Джо закрыл глаза и попытался собрать воедино все, что знает. Металлургические заводы — да, Лондон славится своими

металлургическими заводами, это его основная достопримечательность. В семи доменных печах, расположенных в Фаррингдоне и Кларкенуэлле, отливают сталь для всей Республики. Панораму города на открытках с видом Лондона всегда венчает причудливое переплетение дымовых труб, газопроводов и угольных желобов. Заводы простираются на квадратную милю, и все здания вокруг стоят черные от копоти: руины собора Святого Павла, покосившиеся старые дома вдоль Чансери-лейн... Потому-то Лондон и называют Черным городом.

Но все это Джо мог прочесть и в энциклопедии. Он не представлял, откуда об этом знает. Не помнил, как ходил по этим черным улицам или мимо заводов, — решительно ничего.

— Мы с вами ехали в одном поезде? — спросил Джо, надеясь, что, если он сосредоточится на чем-то одном, тошнота отступит.

— Да. Из Глазго. Мы были в одном вагоне, — его спутник говорил резко и отрывисто, но всем своим видом выражал сочувствие. Казалось, он хочет наклониться поближе и взять Джо за руки, но сдерживает себя. Джо был этому рад: он бы тут же расплакался.

Дорогу в поезде он не помнил. Сопровождающий рассказывал ему о разных запоминающихся деталях: о смешных ужимках кондуктора, о полках, которые так и норовят тебя съесть, если раскладываешь их не до конца, но все впустую. Он заверил Джо, что тот не падал и не ударялся, разве что казался потерянным, когда проснулся.

Было девять часов. Джо склонил голову. Его сковал ужас. Он открыл окно, чтобы вдохнуть свежего воздуха. На улице пахло сажей. По крайней мере, этот запах Джо узнавал. Из железных ворот метро на тротуары стаями устремлялись мужчины в черных пальто и черных шляпах. Они походили друг на друга как две капли воды. Около минуты кэб

простоял на железнодорожном переезде. В сторону завода прогрохотал грузовой поезд с углем. На пути выскочило с десятков детей в поисках угля, попадавшего с паровоза; кучер засвистел в свисток, чтобы их разогнать.

— Все будет хорошо, — тихо сказал сопровождающий. Это были его последние слова — пока Джо был у врача, незнакомец исчез. Медсестры не видели, как он уходил, — да и вообще не видели его, — так что Джо начал думать, что добрался до больницы сам, а мужчина ему просто при见得лся.

Он побывал в двух больницах. Первая, «Колониал Фри», была темной и холодной: помещения все время проветривались и все окна были открыты нараспашку. Изможденный доктор в срочном порядке направил Джо в психиатрическую лечебницу на другом берегу реки. Он сел в очередной кэб, на этот раз один. Дорогу оплатила больница. Джо съезжился в своем пальто, продрогший до костей. За окном снова замелькали черные улицы, отороченные рядами домов, словно траурным кружевом. Потом он проехал Тамиз — Темзу. Река тоже была черной, и ее усеивало столько грузовых судов, что какой-нибудь ловкач мог бы перебраться на другой берег, просто прыгая с палубы на палубу. Словом, ничего необычного. Вот только Джо чувствовал себя так, будто оказался на Марсе.

Вторая больница называлась «Нувель Сальпетриер». Она оказалась куда приятнее, чем Джо ожидал. Изящное здание, расположенное в Саутуарке, на юге города, походило скорее на банк или музей, чем на больницу. Джо представлялось, что интерьер будет унылым и белым, но в действительности это место едва ли напоминало психиатрическую лечебницу. В мраморном вестибюле, украшенном колоннами, стояли уютные диваны и висели электрические люстры. Из глубины здания доносились звуки фортепиано.

Медсестра проводила Джо наверх, в кабинет дежурного врача. По пути он заметил две палаты с обшитыми пробкой стенами, но двери были открыты, а внутри — никого. Медсестра сказала, что в больнице есть крыло для преступников, где содержатся особо опасные пациенты, но оно отделено от основного здания. В остальном же иллюзию полной безмятежности нарушали лишь клетки вокруг каминов.

Пока Джо ждал у кабинета, какой-то мужчина протянул ему газету «Монд» и объявил, что умеет управлять погодой. Джо держал газету, вглядываясь в слова, в шрифт и пытаясь понять, почему все это кажется ему таким чужеродным. Газета не сообщала ничего необычного. Одна из колонок содержала прогноз погоды — он не совпадал с тем, что предсказывал мужчина, — а также рекламу шелковых рубашек и последнего изобретения месье де Лева — электрического корсета, который, по-видимому, служил отличным средством от дамских недугов. Джо это удивило, ведь Мэделин никогда не испытывала недомоганий, требующих лечения электрическим током. Он хмуро глядел на свои колени, когда вдруг понял, что вспомнил имя и лицо женщины — миниатюрной темноволосой женщины, которой шел темно-зеленый цвет. Джо не мог вспомнить ни ее фамилии, ни кем она ему приходилась: сестрой, женой или кем-то еще.

Кабинет врача был просторным. Из окон, выходивших на подмерзшие больничные газоны, открывался чудесный пасмурный пейзаж. На стене висел диплом какого-то парижского университета. Вверху одной из ножек стола виднелись следы зубов. Джо предположил, что их оставила собака, но, оглядевшись, не обнаружил ее, и это обескуражило его гораздо сильнее, чем того заслуживал случай. Все детали, которые он подмечал, вонзались в его сознание, словно острые булавки.

Врач сообщил, что Джо пробудет здесь неделю, при этом плату за проживание с него брать не станут.

— Как я вижу, вас направили из «Колониал Фри». Я готов объявить вам причину вашего состояния. У вас был припадок: вы страдаете одной из форм эпилепсии. При удачном стечении обстоятельств вы скоро поправитесь.

— Припадок?

Доктор отложил свои записи и улыбнулся. Это был молодой, хорошо сложенный парижанин; видимо, в колониальную больницу его направили временно, набраться опыта перед возвращением во Францию. Джо почувствовал прилив отчаяния. Чем дальше, тем отчетливее он понимал, что знает лишь общеизвестные вещи, но ничего конкретного.

— Да, — сказал доктор. — Меня очень интересует эта форма эпилепсии, и я просил направлять таких пациентов ко мне, потому вы здесь. Такая эпилепсия называется бессудорожной — она не сопровождается конвульсиями, только симптомами, которые обычно связывают с эпилептической аурой: амнезией, парамнезией, видениями. Последние два вам знакомы?

— Что такое парамнезия? — спросил Джо. Тон доктора был таким высокомерным, что Джо хотелось отвечать как можно короче, не задавать лишних вопросов и не тратить время впустую.

— Стирание границ между воображаемым и реальным. Чаще всего это *déjà vu* — ощущение, будто вы уже видели раньше то, с чем столкнулись впервые. И его противоположность, *jamais vu*, когда вам кажется совершенно незнакомым то, что вы на самом деле хорошо знаете.

— Да! — быстро сказал Джо, чувствуя, как к глазам подступают слезы благодарности за то, что кто-то облек его чувства в слова. — Да, вот это, второе, — я чувствую это с момента, как тот мужчина подошел ко мне на вокзале! Я думал, что Гар-дю-Руа не в Лондоне, все улицы казались какими-то странными, и газеты... казались странными...

— Все как по учебнику, — мягко сказал доктор. — Точь-в-точь. В чем я могу вас заверить, так это в том, что Лондр вы знаете: у вас очень сильный кларкенуэлский акцент, — он снова улыбнулся. — Посмотрим, что изменится, если вы пару дней проведете здесь, в тишине и покое. Я укажу, что ваша болезнь излечима, — добавил доктор, кивнув на форму, лежавшую перед ним.

— Но что, если это не пройдет? — спросил Джо. Он с трудом подбирал слова. Ему казалось, будто он очень, очень давно не говорил, что было просто смешно, ведь он разговаривал в первой больнице и на вокзале. Но порядок слов казался ему неестественным. Правда, сейчас они говорили по-французски, а мужчина на вокзале — по-английски; может, дело в этом.

— Ну, это мы обсудим, когда...

— Нет, давайте обсудим это сейчас.

— Не нужно агрессии, — резко сказал доктор. Он отклонился на стуле на несколько дюймов, словно боясь, что Джо его ударит.

Джо нахмурился.

— Никакой агрессии. Мне просто очень страшно.

Такая честность, казалось, застала доктора врасплох. Он изобразил смущение.

— Вы ведь понимаете мои опасения. В истории болезни сказано, что в «Колониал Фри» вы говорили по-английски и что у вас на пальто тартановая подкладка. Поезда, в котором вы ехали, прибыл из Глазго, — вопросительный тон постепенно перешел в обвинительный.

— Простите? — растерянно сказал Джо.

— Название «Святые» вам о чем-нибудь говорит?

Джо порылся в памяти, но безрезультатно.

— Это какая-то церковь?

— Нет, это террористическая группировка, которая имеет обыкновение взрывать поезда и случайные регионы Республики.

— О. И они...

— Говорят по-английски, носят тартан и базируются в Эдинбурге, который, по очевидным причинам, не имеет прямого железнодорожного сообщения с Лондром. Они делают пересадку в Глазго.

Джо уставился на подкладку рукава своего пальто.

— Я... не представляю, чтобы мог что-нибудь взорвать. Я бы просто сошел с ума от напряжения. Я и так схожу с ума. Или уже сошел...

Доктор, по-видимому, разделял его мнение и потому смягчился.

— Если память не вернется, то можно предположить, что у вас в голове опухоль, которая давит на участок мозга, и в таком случае мы практически бессильны: в конце концов вероятен смертельный исход.

Доктор произнес эти слова совершенно бесстрастно — в отместку за то, что Джо его напугал.

— А пока мы разместим ваши данные и описание в газетах. Возможно, нам удастся найти ваших родственников.

Джо понимал, что должен поблагодарить доктора, но ему становилось все труднее говорить.

— А если никто не придет?

— Есть бесплатная окружная лечебница, так что мы сможем перевести вас туда, — при этих словах доктор поморщился, и Джо постарался не представлять, как выглядит эта окружная лечебница. — Но, как я и сказал, эту неделю вы проведете здесь, так что у вас есть время до следующего вторника.

— Понятно.

В комнату вбежала огромная собака. Она положила голову на колени Джо и с надеждой смотрела на него, пока он не почесал ее за ухом. Джо почувствовал облегчение, убедившись, что собака все-таки существует и ножку стола погрыз не пациент.

— Не бойтесь Наполеона, он очень дружелюбный. Однако, — продолжил доктор, словно о собаке и речи не было, — мне еще не доводилось встречать людей, к которым не возвращалась бы память в течение пары дней, а то и часов. Это крайне распространенное заболевание. Пару месяцев назад у нас был большой приток таких пациентов, и все они полностью восстановились. Конечно, те случаи были менее серьезными, но симптомы в точности совпадали с вашими.

Джо перевел взгляд с собаки на доктора.

— То, что у группы людей в одно и то же время возникли одни и те же симптомы, подразумевает наличие внешнего воздействия. Не так ли?

Доктор выпучил глаза, а затем рассмеялся, по-видимому, найдя удивительным, что Джо знает такие слова, как «подразумевает» и «воздействие».

— Да, верно. Подобная концентрация случаев в самом деле подразумевает, что есть некий внешний фактор. Но географически они никак не связаны. Такие пациенты рассредоточены по всей Республике, от Рима до Дублина. Мы рассматриваем самые разные причины: погода, грунтовые воды, зерновые культуры, загрязнение воздуха. Но вы не волнуйтесь. Мы во всем разберемся.

Джо кивнул.

— Отдохните, сыграйте с кем-нибудь в теннис. Здесь много ветеранов. Они славные ребята, вот только не любят резкие звуки. Увидимся через пару дней.

Джо хотел задать доктору еще несколько вопросов, но на этом разговор прервался: в кабинет вплыла женщина, крепко сжимающая куклу, и указала на Наполеона. Доктор поспешил ее увести. Собака последовала за ними.